

A close-up portrait of an older man with grey hair, resting his chin on his hand. He is wearing a dark blue shirt and a grey jacket. The background is dark and out of focus.

Алексей Талызин

**Заклятие
стиха**

Алексей Талызин

Заклятие стиха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942276

ISBN 9785449344182

Аннотация

Перед вами сборник стихотворений талантливого человека, который состоялся в совершенно различных областях науки, культуры и спорта, что нашло своё отражение в книге. Произведения автора сохранили его личные впечатления и размышления о смысле жизни, его понятия о справедливости, героизме и чести.

Содержание

«Как на иконах Феофана...»	5
Заклятие стиха	6
«Веками строили поэты...»	8
Очи сердечные	10
«Услышав SOS, десятки кораблей...»	11
«О Спарты гордое величие...»	12
Песня о бывшем автогонщике	14
Тост	16
«Не жалуясь, хоть за грехи опять заполучил...»	17
«Душа моя скорбит смертельно...»	18
«Как горьки предвестные ранее...»	19
Круг	21
«Спектакль кончается... Старик слуга на сцене...»	22
Надпись на рисунке	23
Лирика	26
«Ты почитай мой стихи...»	26
«Я – человек наоборот во всем...»	27
«Нет на белом свете существа мне ближе ...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Заклятие стиха

Алексей Талызин

© Алексей Талызин, 2018

ISBN 978-5-4493-4418-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Как на иконах Феофана...»

*Стоит ли жизнь того, чтобы жить?
Альбер Камю*

Как на иконах Феофана
Светонесущиеся блики
Легли непостижимо, странно
На экстатические лики,
Вдруг вырывая на мгновенье
Из мрачной тьмы от раза к разу
Черты сурового моления,
Восторг высокого экстаза,
Их озаряя блеском линий,
Прикосновеньем кисти дивной,
Преобразует в цвет неволью
Псалмов божественные гимны.
Так в памяти порой виденья
Вдруг осветят непостижимо
Из дней промчавшихся мгновенья,
Которые и стоят жизни.

Заклятие стиха

*Заклинать – умолять и принуждать
одновременно.*

О. Шпенглер

Inperit te copia facit¹.

Лейбниц

Заклятие стиха – восторг самозакланья,
Мгновений, замерших рядами странных слов,
Застывших на обрыве умолканья
В магическом узоре боли, страсти, снов.
Заклятие стиха как вечное проклятье,
Как паранойя образов, мятущихся вокруг,
Не убежать от них – ты сам идешь в объятья,
Нет сил сопротивляться им, пощады нет, и вдруг,
Вдруг пропадают... Но за ними следом
Другие громоздятся тут и там,
И мысль живет «необходимым бредом»,
Как глубоко заметил Осип Мандельштам.
Чудовищ – да! – сон разума рождает —
Франсиско Гойя прав, но лишь не ведал он,
В век триллеров обратное бывает —
Чудовища рождают чувств и мыслей сон.

¹ Богатство делает меня нищим (лат.).

Но тут совсем не то – здесь образов сплетенье
В причудливо-изысканную вязь
Ложится, обрываясь на мгновенье,
То плача, то надеясь, то смеясь.
То парадоксом неожиданным подразнят,
То силуэты женщин властно вырвут стих,
И мальчик, невзрослеющий проказник,
Смеясь, из лука всех перестреляет их.

«Веками строили поэты...»

*Рассказывают, что при раскопках древней
Помпеи обнаружили тела мужчины и
женщины, встретивших смерть
в объятиях друг друга
во время извержения Везувия.*

Веками строили поэты
Любви непостижимый мир,
Пока Ромео и Джульеттой
Не увенчал его Шекспир.
Шли годы... Древняя Помпея
От пепла освобождена,
Свои жестокие трофеи
На свет представила она,
И среди жертв слепого вала
Стихий, промчавшихся вокруг,
Из пепла, как из покрывала,
Два тела показались вдруг,
И перед взором изумленным
Явились к нам из тьмы веков
Два тела, навсегда сплетенных
Кольцом изысканных оков.
Нет, звал их не инстинкт животный —
Он бы заставил их бежать
В слепой толпе бесповоротно,

Искать спасенья!.. Искать!..
Но принудить Любовь их сдаться
Стихий попытки не смогли,
Их не заставили расстаться
Ни силы неба, ни – земли!
Объятий их не разомкнули
Ни гнев вулкана, ни века,
Они – счастливые! – уснули,
В его руке ее рука.

Очи сердечные

В Древней Руси считали, что в человеке существует особый орган некоего внутреннего видения, который называли «очами сердечными».

На все, что связано с нашими встречами
И касались руки твои,
Я гляжу очами сердечными,
Я гляжу очами любви
И другими смотреть не умею,
Чтобы в трудный час устоять —
Ими я постоянно с нею,
Ими молодость длится моя.

«Услышав SOS, десятки кораблей...»

Услышав SOS, десятки кораблей
Послушны лишь одному закону,
Меняют курс, что был им всех нужней,
На курс, что стал еще нужней другому.
И латаные, жалкие суда,
И лайнеры свои меняют галсы,
Как равные, кривя свой путь туда,
Откуда крик о помощи раздался.
И в дрожи изнывающих машин,
Вдали от цели, не достигнув суши,
Движимы доблестью своей морской души
Туда, где гибнут страждущие души.

«О Спарты гордое величие...»

*Все греки знают правила приличия,
но только спартапцы умеют ими пользоваться.
Из истории Олимпийских игр древности*

О Спарты гордое величие,
Я слышу фразы лаконичные,
Я вижу сдержанное мужество —
Ни слова и ни жеста лишнего,
Глаза, не знающие ужаса,
И торсы крепкие коричневые!
Нет, вы не культуристы древности
С накачанной мускулатурой —
Герои в нимбе человечности
И с человеческой культурой.
Простые парни загорелые,
Без всякой лихости, улыбочек,
Всегда вы знали то, что делали,
И каждый шаг ваш не был вымучен.
Никто от вас не слышал жалобы,
Каприза и малейшей пошлости,
Не афиняне вы, и стало быть,
Чужда вам неги фальшь роскошная.
Вы не хватались зря за острое —
Так воспитали вас обычаи,

И лучше всех на полуострове
Вы знали правила приличия.
Афины славились ораторами,
Вы это делать не умели,
Но там, где требовалась храбрость,
Там были вы всегда при деле...
Спокойные и яснолицие,
Умели быть вы беспощадными,
Но и с коварнейшими гадами
Вели себя вы как патриции...

Песня о бывшем автогонщике

Морщины как маршруты сотен трасс,
Забытых или памятных в деталях,
Глубокий шрам туда, где был когда-то глаз,
И след ожога, словно тень медали...
Пивная пена, матерная брань,
Один рукав пустой, в карман неловко вдетый,
И взгляд, презрительно сощуренный на пьянь,
Знакомый каждому когда-то по портретам...
Тебе бы трассы хмель и скорости безумь
В оковах мощного холодного рассудка,
Но вместо гула переполненных трибун
Ты слышишь пьяный бред какого-то ублюдка.
Ты помнишь рев моторов, словно рев быков,
И рот механика, как пасть, раскрытый в крике,
И запах славы в пряном запахе венков,
И на медалях солнечные блики.
Болельщики, газеты и кино,
Машины яркие, опасней, чем гранаты,
И риск, пьянящий словно старое вино,
И смелые, как дьяволы, ребята.
Ушли навек железные друзья.
Живем, бывавшие в аду и даже дальше,
Сейчас тебе бы вместо пьяных обезьян
Увидеть тех парней, веселых и отважных!...

Законы физики острее, чем клинки,
Ты – спятивший факир – плясал у них на гранях,
Ты помнишь, парень, где остался без руки
И чем ты заплатил за свой рывок в Ле-Манс?
Заштопан ты, твой талисман силен,
А раз ты жив – играй, опять играй с удачей,
В телегу новую впрягайся, старый конь,
И снова лезь вперед, бери призы на скачках!
И вот живой ты, баловень судьбы,
А помнишь лица тех ребят, выдавших виды,
Кусками жареными сваленных в гробы?
Немногие, как ты, гуляют в инвалидах!
Счастливчик ты, отмеченный судьбой,
В любом аду тебя всегда спасало чудо.
Теперь ты молча каждый вечер у пивной
С усмешкой свой последний держишь кубок.
Ты пьешь, как будто перед кем-то виноват,
Что ты живой, как будто ты в ответе —
Единственный с войны вернувшийся солдат,
И слова некому сказать тебе на свете...
Я вижу каждый вечер, как ты пьешь
Один, совсем один, чужой и безличный,
Как непонятный и далекий всем идешь
И как сторонится тебя народ приличный...

Тост

*Что бы мы делали без наших врагов?
Пьер Тейяр де Шарден*

Я предлагаю свой тост двуединый
(И может быть, в счет предстоящих долгов)
За женщин поднять, бесконечно любимых,
К любимым добавив заклятых врагов.
Мой тост не случаен, вне всяких сомнений,
И ты не способен его не понять:
Должны становиться мы все совершенней,
Чтоб нравиться этим, а тех – побеждать.
Но коль для тебя этот акт невозможен,
Ей будешь отвергнут, а им – уничтожен.

«Не жалуясь, хоть за грехи опять заполучил...»

Не жалуясь, хоть за грехи опять заполучил.
Я искуплю – святое не нарушу,
Но не «покладати» – уже не хватит сил —
Для новых треб² израненную душу.
Когда поэты рифмы строчат,
Ночами не смыкая глаз,
Они судьбу свою пророчат,
Что подтверждалось много раз.
Как будто в строчек хороводе,
Диктуя властно мыслей ход,
Рукой поэта кто-то водит —
Тот, кто все знает наперед.
Поэты умирают гордо,
Не унижаясь перед ней —
Старухой с безобразной мордой,
И не вымаливают дней.

² Покладати требы (др.-рус.) – приносить для жертвоприношения.

«Душа моя скорбит смертельно...»

*Душа моя скорбит смертельно.
Евангелие*

Душа моя скорбит смертельно,
Дробя в осколки сердца стук,
И вздрагивает крест нательный
В неровном ритме тайных мук.
И застывает лед желаний
В неутолившейся крови,
И время задувает пламя
В лампаде жертвенной любви,
Любви, истерзанной страданьем
В тиши безумных вечеров
И задержавшейся на грани
Двух несвязуемых миров,
В надежд заведомом обмане,
В бессмыслице обрывков дней,
Мелькнувших в колдовском тумане
Во всей ненужности своей.

«Как горьки предвестные ранее...»

*Время вышло из пазов.
В. Шекспир, «Гамлет»*

Как горьки предвестные ранее
Голгофа и тягостный крест,
Как будто пазы мироздания
Сместились с предписанных мест.
Хоть крест мой невидим в тумане
И нет на Голгофе камней,
Но как они давят и ранят
И как искажают во мне
Все зримое, тайною властью
Калеча! Неспрятанный нерв
Пульсирует с края запястья,
Дрожа, извиваясь как червь.
И в этом причудливом мире
Я все принимаю не так:
Мне видятся лики валькирий
В любимых до боли чертах,
В пылающем воображении
В мучительно острой мечте
Я вижу свое поражение —
Распятие без воскресения
На этом незримом кресте...

Круг

Как просто в этот круг очерченный войти —
Не зря он называется «порочным».
Обратного, однако, нет пути —
Он заколдован, безысходен... Впрочем,
Есть выход из него – доступен многим он,
Он так же прост, но лишь за счет другого,
Кто должен пострадать. Так было испокон,
И только чудаки не признают такого
И надрывают на кругах сердца,
Непонимающим – к разумной укоризне:
И их дороге просто нет конца —
В отличие от их никчемных жизней...

«Спектакль кончается... Старик слуга на сцене...»

Весь мир – театр.

В. Шекспир

Спектакль кончается... Старик слуга на сцене
Неспешно гасит ряд мерцающих свечей,
И вот последняя на несколько мгновений
Еще задержит мрак игрой своих лучей.
О, не спеши, старик, помедли, ради бога,
Замешкался слегка и задержись на миг —
Пусть подождет меня прощальная дорога,
Пусть отдохнет еще заждавшийся ящик.
Ну вот и все теперь... Актеры и актрисы,
Забыв до завтра роли, разошлись домой,
Прощайте навсегда, уставшие кулисы,
Здесь только что погас последний мой огонь.
Придуманная жизнь вся выпита до капли,
Пусть рампа отдохнет до завтрашнего дня,
Оваций будущих и будущих спектаклей,
До будущих свечей... Но только без меня.

Надпись на рисунке

Прими мой дар – три белых розы,
Их свежесть – до скончания дней,
Им не страшны метаморфозы
Любые – как Любви моей!
Там нет шипов – как в чувстве нежном,
Непоколеблемом ничем,
В таком же чистом, белоснежном,
Внезапно вспыхнувшем... Зачем?!

Зачем живете вы, открытые к любви,
В добро так свято верящие люди?
Ведь чтоб кого-то с радостью травить,
Как зайцев в поле, лучше вас не будет!
Жизнь есть обман – он назван так
В припадке дьявольской безжалостной издевки.
И снова счастья ждет очередной чудак,
Не чувствуя на шее стянутой веревки.
Наивными и детскими глазами
На мир глядит, святясь улыбкой, он,
Не ведая, что горькими слезами
Зальет он скоро свой жестокий сон.
Порода обреченная... Ну что ж!
Им обещают все, как и сам, швыряя крохи.
Но кто ж тогда расплатится за ложь?

Они же – как всегда – обманутые «лохи».
Итак, все кончено – жизнь не для них, убогих,
Для тех, кто истинно достойный молодец —
К восторгу общему спокойно вытрет ноги
О ткань ненужную распахнутых сердец...
Улыбка милая, и зубы чуть в помаде,
И взгляд как две взошедшие зари!
И все забыв в восторженном обряде,
Себя я жертвую на этом алтаре.

И в этом пламени зарниц
Горит мое воображение,
И слезы катятся с ресниц
От счастья жертвоприношенья...
А рать попов, жрецов, шаманов
Крови моей пьет дьявольский коктейль
И, заряжаясь ею, в иступленье пьяном
Дым жертвенный, глумясь, хватают за кудель...
Я просыпаюсь... След кромешной ночи
Размазался в невидимом окне.
И нет тебя. И я смыкаю очи,
Чтоб до конца сгореть на жертвенном огне.

Спасибо, милая, что ты была врагом,
За нелюбовь, за боль, за право униженья,
Ведь без тебя бы не было стихов
И им святого бескорыстного служенья.
Спасибо, господи, за твой высокий дар:
Не лицедейские, а истинные муки,

Ведь он единственный и лучший гонорар,
А не отрыжка алчности и скуки.

Лирика

«Ты почитай мой стихи...»

Ты почитай мой стихи,
Когда слегка тебе взгрустнется,
Пускай для этой чепухи
Мгновений несколько найдется,
И ты услышишь сквозь печаль
(Куда же от нее мне деться?),
Как бьется в ритмах рифм хрусталь —
Мое израненное сердце.
Да, бьется только для тебя,
И в нашей жизни быстротечной,
Наперекор судьбе любя,
С мечтой навязчивой о встрече...

Как хочется тебя прикрыть собою,
Чтоб уберечь от груды разных бед,
Чтобы с тобой не встретилось плохое,
А радости сошлись в изысканный букет...

«Я – человек наоборот во всем...»

*Я искал ее, шел к ней методом проб
и ошибок и нашел ее.*

Дж. Г. Байрон

Я – человек наоборот во всем,
И тут любовь совсем не исключенье,
А на пути на жизненном моем
Бывали и любовь, и просто увлеченья.
Там, где любовь – там чувство день за днем
Не таяло – росло, чем далее, тем круче,
Но, обожженный ярким неземным огнем,
Я падал вдруг с непостижимой кручи.
И вновь в заоблачных вершинах я искал
Незримый образ навсегда любимой,
Чтоб воплотить в ней давний идеал
Навязчивой моей мечты неодолимой,
Чтоб ту одну, рожденную мечтой,
Найти – единственную нужную из смертных,
Пусть по ошибке ставшую чужой
(Но в долгом поиске ведь неизбежны жертвы!),
Чтобы в нее влюбляться много раз,
Влюбляться без конца – до головокруженья,
До одури! Тонуть в бездонье чудных глаз
И гибнуть каждый раз в безумном наслажденье!
Пусть долги дни разлук и кратки встречи, пусть!

Но пусть влюбленность вновь нещадно кружит!
Пусть каждый раз я заново влюблюсь!
Но каждый раз... всегда в одну и ту же!

«Нет на белом свете существа мне ближе ...»

*И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны...
И нельзя налево, и нельзя направо...
В. Высоцкий*

Нет на белом свете существа мне ближе —
Милосердьем Божьим я не обделен,
Но «нельзя мне выше и нельзя мне ниже» —
Окружен запретами я со всех сторон.
В одной камере жизни этой странной
Дней, судьбой отпущенных, тает календарь,
И нельзя в обход мне, и нельзя мне прямо...
Пусть! Но есть у сердца жертвенный алтарь:
Пусть оно сгорает – могут пригодиться
И терло, и свет его на земном пути.
Для других осветит он и сердца, и лица,
Чтоб в любви и радости этот путь пройти.
Ночью звездной щедростью небеса покрыты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.